

АНТОЛОГИЯ МЫСЛИ



ЗИГМУНД ФРЕЙД



Я и Оно



ЭКМО
МОСКВА
2015

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Гем)
Ф 86

Разработка серийного оформления
художника *Е. Клодта*

Серия основана в 1997 году

Текст печатается по изданиям:

Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. — СПб.: Университетская книга; М.: АСТ, 1997;

Фрейд З. Психология бессознательного. — М.: Просвещение, 1990;

Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности. — Минск: Белорус. сов. энцикл., 1990;

Фрейд З. Человек по имени Моисей и монотеистическая религия. — М.: Наука, 1993;

Фрейд З. Психоаналитические этюды. — Минск: Беларусь, 1991;

Фрейд З. Я и Оно: Труды разных лет. — Тбилиси: Мерани, 1991

Перевод с немецкого

В данном издании сохранены особенности стиля переводов

Фрейд, Зигмунд.
Ф 86 Я и Оно: Философские науки. Религия. Эзотерика / Зигмунд Фрейд. — Москва : Эксмо, 2015. — 864 с. — (Антология мысли).

ISBN 978-5-699-14376-4

Зигмунд Фрейд — известнейший австрийский психолог, психиатр и невропатолог, основоположник психоанализа, автор многочисленных трудов: «Толкование сновидений», «Психопатология обыденной жизни», «Остроумие и его отношение к бессознательному», «Тотем и табу» и т.д.

Представления Фрейда о бессознательном, о сублимации, о динамической психической структуре личности и мотивах человеческого поведения, значении детского эмоционального опыта в душевной жизни взрослого, постоянном психическом влечении к эросу и смерти нашли широкое распространение в современной культуре.

В настоящем издании представлены работы, считающиеся теоретической кульминацией творчества Фрейда. В них сформулированы и обоснованы мысли Фрейда, а также обозначены сами источники возникновения существенных положений психоанализа.

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Гем)

© Блюменкранц М. А., составление,
вступительная статья, 1997
© ООО «Издательство «Эксмо»,
Оформление, 2015

ISBN 978-5-699-14376-4



*Остроумие и его отношение
к бессознательному*



АНАЛИТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

I

ВВЕДЕНИЕ

Кто когда-либо имел повод осведомляться в литературе у эстетов и психологов, какое объяснение может быть дано сущности остроумия и его отношению к другим видам душевной деятельности, тот, конечно, должен будет признать, что философские старания не коснулись остроумия в той мере, какой оно заслуживает благодаря своей роли, которую играет в нашей душевной жизни. Только немногие мыслители подробнее интересовались проблемами остроумия. Правда, среди лиц, занимавшихся исследованием остроумия, встречаются блестящие имена: поэта Jean Paul'я (Fr. Richter'a) и философов Th. Vischer'a, Kuno Fischer'a и Th. Lipps'a. Однако и у этих авторов тема остроумия стоит на заднем плане, в то время как главный интерес исследования сосредоточен на более широкой и более заманчивой проблеме комического.

При изучении этой литературы создается впечатление, что трактовать остроумие вне его связи с комическим совершенно невозможно.

По Th. Lipps'у (*Komik und Humor*, 1898) остроумие является «чрезвычайно субъективным комизмом», т.е. комизмом, «который мы сами производим, который относится к нашему поведению как к таковому и к которому мы всегда относимся, как подлежащий ему субъект, но никогда как объект, а также не как добровольный объект». Поясняющее это положение примечание гласит: остроумием называется вообще «всякое сознательное и искусное со-

здание комизма, будет ли это комизм созерцания или комизм ситуации».

К. Fischer поясняет отношение остроумия к комическому с помощью исследования карикатуры, стоящей в его изложении между остроумием и комизмом. Объектом комизма является безобразное в какой бы то ни было форме своего проявления: «Там, где оно скрыто, оно должно быть обнаружено в свете комического созерцания, где оно мало или едва заметно, оно должно быть выхвачено и так подчеркнуто, чтоб оно было ясно и очевидно... Так возникает карикатура». «Весь наш духовный мир, интеллектуальное царство наших мыслей и представлений не разворачивается под взглядом внешнего созерцания; оно не может быть непосредственно представлено при помощи образного и наглядного изображения, но оно сохраняет и свои задержки, недостатки, уродства, массу смешного и множество комических контрастов. Чтобы подчеркнуть их и сделать доступными эстетическому созерцанию, нужна сила, которая была бы в состоянии не только изобразить объекты, но и рефлексировать и пояснить эти изображения: сила, проясняющая мысли. Такой силой является только *суждение*. Суждением, производящим комический контраст, является *острота*; она втихомолку уже участвовала в карикатуре, но в суждении приобрела свойственную ей форму и свободное поприще для своего развития».

Как видно, Lipps усматривает выделяющие остроумие среди других видов комического характерные черты в деятельности, в активном поведении субъекта, в то время как К. Fischer характеризует остроумие отношением к своему объекту, который должен выявить скрытое уродство царства мыслей. Основательность этих определений не может быть проверена. Их даже едва ли можно понять, если рассматривать вне той взаимозависимости, из которой они кажутся вырванными; и мы, таким образом, стоим перед необходимостью поработать над изображением комического у авторов, чтобы узнать от них что-нибудь об остроумии. Между тем далее будет видно, что эти авторы сумели указать на существенные и общераспространенные характерные черты остроумия, при которых это отношение к комическому не принято во внимание.

Характеристика остроумия у К. Fischer'a, которая, видимо, вполне устраивает автора, гласит: «Остроумие есть игривое суждение». Для пояснения этого выражения мы укажем на аналогию: «Подобно тому как эстетическая свобода заключается в игривом созерцании вещей». В другом месте эстетическое отношение к объекту характеризуется условием, что мы от этого субъекта ничего не требуем, особенно никакого удовлетворения наших серьезных потребностей, а довольствуемся наслаждением при созерцании этого объекта. Эстетическое отношение является *игривым* в противоположность работе. Могло случиться, что из эстетической свободы возник особый вид суждения, свободный от оков и правил, который я ввиду его происхождения хочу назвать *«игривым суждением»*, и что в этом понятии сохранено первое условие, если не целиком вся формула, разрешающая нашу задачу. «Свобода дает остроумие, а остроумие дает свободу, — сказал Jean Paul. — Остроумие является одной только игрой идеями».

Издавна остроумие любили определять как ловкое умение находить сходство между несходными вещами, следовательно, находить скрытое сходство. Jean Paul сам остроумно выразил эту мысль следующим образом: «Остроумие — это переодетый священник, который венчает каждую пару». Th. Vischer продолжает: «Он венчает охотнее всего ту пару, к соединению которой родственники относятся нетерпимо». Но Vischer же возражает, что существуют остроты, в которых и речи нет о сравнении, а следовательно, и о нахождении сходства. Он дает, таким образом, несколько отличное от Jean Paul'я определение остроумия как умения с поразительной быстротой связывать в одно целое несколько представлений, являющихся собственно чуждыми друг другу по своему внутреннему содержанию и связи. Затем К. Fischer обращает внимание на то, что эти определения относятся к тем остротам, которые остроумный человек знает, а не к тем, которые *создает*.

Другими точками зрения, в некотором смысле связанными друг с другом, которыми пользуются для определения понятия или описания остроумия, являются: «кон-

траст представлений», «смысл в бессмыслице» и «смущение вследствие непонимания и внезапное уяснение».

Определение, как, например, Краепелін'а, переносит центр тяжести на контраст представлений. Острота является «произвольным связыванием или соединением двух контрастирующих друг с другом каким-либо образом представлений, в большинстве случаев с помощью речевой ассоциации». Такому критику, как Lipps, нетрудно открыть полную несостоятельность этой формулы, но он сам не исключает момента контраста, а передвигает его на другое место. «Контраст продолжает существовать, но это — не так или иначе понятый контраст представлений, связанных со словами, но контраст или противоречие значения или незначительности слов». Примеры поясняют, как следует понимать последнее. «Контраст возникает лишь благодаря тому, что... мы признаем за словами некоторое значение, которое, однако, не можем затем вновь признать за ними».

В дальнейшем развитии этого последнего определения приобретает значение антитеза «смысл и бессмыслица». «То, что мы в один момент считаем осмысленным, оказывается для нас затем совершенно бессмысленным. В этом заключается для нас в настоящем случае комический процесс». «Остроумным кажется выражение в том случае, если мы с психологической необходимостью приписываем ему определенное значение и, приписывая ему это значение, тотчас снова отрицаем его. При этом под значением можно разуметь различное. Мы приписываем выражению *смысл* и знаем, что логически он ему не принадлежит. Мы находим в выражении *истину*, которую в силу законов познания или общего навыка нашего мышления не можем найти в нем; мы признаем за ним логические и практические следствия, выходящие за пределы его действительного содержания, чтобы сейчас же отрицать эти следствия, как только мы примем во внимание качество этого выражения. Во всяком случае психологический процесс, который вызывает в нас остроумное выражение и на котором покоится чувство комизма, заключается в непосредственном переходе от этого признания смысла, истины, значительности к сознанию или впечатлению относительной ничтожности».

Если это объяснение звучит так убедительно, то все-таки было бы желательно поставить здесь вопрос — способствует ли эта антитеза осмысленного и бессмысленного, на которой покоится чувство комизма, определению понятия остроумия, поскольку оно отличается от комизма.

Момент «непонимания и внезапного уяснения» также далеко заводит нас в проблему отношения остроумия к комизму. Кант говорит, что замечательная особенность комического заключается в том, что оно может обмануть нас только на один момент. Heumans (*Zeitschr. f. Psychologie*. XI. 1896) показывает, как осуществляется эффект остроумия последовательной сменой непонимания и внезапного уяснения. Он поясняет свое мнение прекрасной остротой Гейне, который заставляет одного из своих героев, бедного лотерейного коллекционера Гирш-Гиацинта, хвастать тем, что великий барон Ротшильд обходится с ним как с человеком вполне ему равным, вполне *фамиллионьярно* (*familionar*). Здесь слово, являющееся источником остроумия, кажется прежде всего ошибочным словообразованием, чем-то непонятным, несуразным, загадочным. Поэтому оно приводит нас в смущение. Комизм получается в результате исчезновения смущения, в результате понимания слов. Lipps дополняет, что за этой первой стадией, во время которой мы узнаем, что смущающее нас слово означает то-то и то-то, следует вторая стадия, во время которой мы знаем, что это бессмысленное слово смутило нас, а затем оказалось действительно имеющим смысл. Лишь это второе уяснение, познание того, что бессмысленное с точки зрения обыденной практики языка слово было виною всему, лишь это превращение в ничто вызывает комизм.

Кажется ли нам та или другая из этих трактовок более понятной — мы благодаря рассуждению о непонимании и внезапном уяснении подошли ближе к определенному мнению. Если комический эффект Гейневского *фамиллионьярно* основан на разгадке якобы бессмысленного слова, то «остроумие» следует, конечно, усмотреть в образовании этого слова и в характере образованного таким образом слова.

Кроме всей связи с обсуждавшимися только что точками зрения, все авторы указывают и на другую существенную особенность остроумия. «*Краткость* — душа и тело ост-

роумия, и даже оно само», — говорит Jean Paul (Vorschule der Ästhetik. 1. (45), видоизменяя таким образом лишь одну фразу старого болтуна Полония в шекспировском Гамлете (действие 2-е, сцена II):

И так как краткость есть душа ума,
А многословие — его прикраса,
Я буду краток.

(Перевод А. Кронеберга.)

Важно и описание краткости остроумия у Lipps'a. «Острота говорит то, что она говорит, не всегда мало, но всегда слишком немногими словами, т.е. словами, которые согласно строгой логике или обычному образу мышления и речи недостаточны для этого. Она может, наконец, попросту сказать кое-что, умалчивая об этом».

«Что остроумие должно выхватывать нечто *спрятанное или скрытое*» (K. Fischer), было уже указано при сопоставлении остроумия с карикатурой. Я подчеркиваю еще раз это определение, поскольку оно больше относится к сущности остроумия, чем к сущности комизма.

Я, конечно, понимаю, что вышеприведенные небольшие выдержки из работ писавших об остроумии авторов недостаточны для суждения о ценности этих работ. Вследствие трудностей, возникающих при желании правильно передать столь сложный, с такими тонкими нюансами ход мыслей, я не могу избавить любознательных читателей от труда почерпнуть желательные для них познания из первоначальных источников. Но я не знаю, будут ли они полностью удовлетворены. Указанные авторами критерии и особенности остроумия: активность, отношение к содержанию нашего мышления, характер игривого суждения, сочетание несходного, контраст представлений, «смысл в бессмыслице», последовательная смена смущения вследствие непонимания и внезапного уяснения, выхватывание скрытого и особый вид лаконичности остроумия, — хотя и кажутся на первый взгляд очень меткими и так легко подтверждаемыми целым рядом примером, что мы не можем подвергнуться опасности недооценить ценность таких взглядов, однако все это *disiecta membra*, которые мы хотели бы видеть объединенными в одно органическое целое.

В результате они приводят к познанию остроумия не более чем ряд анекдотов, характеризующих личность, биографию которой нам нужно узнать. В результате всего вышесказанного мы совсем не знаем того, что общего имеет, например, лаконичность остроумия с характером игривого суждения; и у нас нет объяснения, должно ли остроумие удовлетворять всем этим условиям, чтобы быть истинным остроумием, или только некоторым из них, и какие из этих условий могут быть заменены другими, а какие из них необходимы. Мы хотим также произвести группировку и подразделение острот, основываясь на их особенностях, признанных существенными. Подразделение, которое мы находим у авторов, опирается, с одной стороны, на технические приемы, с другой — на употребление острот в разговоре (остроумие, являющееся результатом созвучия, игра слов — карикатурная, характеризующая острота, остроумное отпаривание).

Нам, следовательно, нетрудно будет указать цели дальнейшему исследованию объяснения остроумия. Чтобы иметь возможность рассчитывать на успех, мы либо должны были бы внести в эту работу новые точки зрения, либо попытаться проникнуть глубже путем усиления нашего внимания и углубления нашего интереса. Мы можем указать на то, что, по крайней мере, в применении этого последнего средства недостатка не было. Поразительно, сколь немногими примерами таких признанных острот довольствуются авторы для своих исследований и как каждый заимствует остроты у своих предшественников. Мы не можем отказаться от необходимости проанализировать примеры, которые уже были приведены классическими авторами, писавшими об остроумии, но мы намерены, кроме этого, заняться исследованием и нового материала, чтобы иметь более широкие основания для выводов. Затем мы намерены исследовать такие примеры остроумия, которые в жизни произвели на нас впечатление и заставили много смеяться.

Заслуживает ли тема остроумия такого исследования? Я думаю, что это не подлежит сомнению. Помимо личных мотивов, которые побуждают меня сделать попытку разре-

шить проблемы остроумия и будут раскрыты во время развития этой работы, я могу сослаться на существование тесной связи между душевными процессами, связи, которая обещает психологическому познанию в какой-нибудь одной отдаленной области нечто ценное, не вполне еще признанное в других областях.

Нужно помнить также о том, какую своеобразную, прямо-таки очаровательную прелесть представляет остроумие в нашем обществе. Новая острота обладает таким же действием, как событие, к которому проявляют величайший интерес. Она передается от одного к другому, как только что полученное известие о победе. Даже видные люди, которые считают нужным сообщать свою биографию, рассказывать, какие города и страны они видели, с какими выдающимися людьми они общались, не пренебрегают случаем поместить в своем жизнеописании те или иные слышанные ими прекрасные остроуты¹.

II

ТЕХНИКА ОСТРОУМИЯ

Следуя прихоти случая, мы берем первый пример остроумия, который встретился нам в предыдущей главе.

В той части «Путевых картин», которая озаглавлена «Луккские воды», Г. Гейне выводит ценный образ лотерейного коллекционера и мозольного оператора Гирш-Гиацинта из Гамбурга, который хвастает перед поэтом своими отношениями с богатым бароном Ротшильдом и в заключение говорит: «И как Бог свят, господин доктор, я сидел рядом с Соломоном Ротшильдом, и он обращался со мною, как с своим равным, совершенно фамиллионьярно»².

На этом считающемся превосходным и очень смешном примере Neumanns и Lipps выясняли происхождение комического эффекта остроты из «смущения вследствие непо-

¹ J. v. Falke. Lebenserinnerungen. 1897.

² Г. Гейне. Собр. соч. Т. I. Изд. 2-е. Перевод П. Вейнберга. СПб., 1904. С. 359. — У переводчика слово «familionär» переведено «фамиллионерно».

нимания и внезапного уяснения» (см. выше). Но мы оставляем этот вопрос в стороне и задаем себе другой: что же именно превращает разговор Гирш-Гиацинта в остроуту? Это может зависеть только от причин двоякого рода: или сама по себе мысль, выраженная в предложении, носит черты остроумия, или остроумие кроется в способе выражения, которое мысль нашла в предложении. В какой из этих двух сторон мы увидим характер остроумия, в той мы и проследим его глубже, исследуем и постараемся уловить.

Мысль может найти свое выражение в общем в различных разговорных формах — следовательно, в словах, — которые могут очень верно передавать ее. В речи Гирш-Гиацинта мы имеем определенную форму выражения мысли и, как мы догадываемся, особенную, своеобразную форму, не ту, которая легче всего может быть понята. Попытаемся выразить эту же мысль по возможности верно другими словами. Lipps уже сделал это и пояснил таким образом до некоторой степени изложение поэта. Он говорит: «Мы понимаем, что Гейне хочет сказать, что обращение было фамильярным, но носило именно тот общеизвестный характер, который обычно не доставляет удовольствия благодаря привкусу миллионерства». Мы ничего не изменим в этой мысли, если дадим ей другое изложение, которое, возможно, лучше подходит к разговору Гирш-Гиацинта: «Ротшильд обошелся со мной, как с совсем равным, совсем *фамилльярно*, т.е. постольку, поскольку это может сделать *миллионер*». «Снисходительность богатого человека заключает в себе всегда что-то неудобное для того, кто испытывает ее на себе», — прибавим мы еще¹.

Останемся ли мы при этом или при другом равнозначном тексте этой мысли, мы увидим, что заданный вопрос уже предreshен. Характер остроумия проистекает в этом примере не за счет мысли. Замечание, которое Гейне вкладывает в уста своему Гирш-Гиацинту, верно и метко; оно таит очевидную горечь, которая легко возникает у бедного человека при виде такого большого богатства, но все же мы

¹ Этой же остроутой мы займемся далее, где будем иметь повод принять корректуру данного Lipps'ом изложения этой остроуты, приближающегося к нашему.